

ничем помочь тебе, по крайней мере ты сама облегчишь свои страдания от томлящей тебя болезни, открыв ее, и я сам и все, кто услышит от меня об этом, получим не малую пользу; ведь если люди, слыша о чужих достойных похвалы успехах, стараются подражать им, то с другой стороны чужие невзгоды заставляют их остерегаться, чтобы не впасть в те же бедствия. Поэтому, молю тебя, говори смело, не скрывай ничего о себе». Тронутая этими просьбами, она подняла голову и, взглянув на меня, сказала: «Мне не хотелось, странник, рассказывать о себе, чтобы мой рассказ, будучи записан тобой, не навлек на тебя какой-нибудь напасти и ненависти со стороны тех, которые отворачиваются от истины и ненавидят поучения старцев, что более всякого другого общественного недуга («градскаго недугования») приводит к гибели человеческие начальства и власти. Но возлагая надежду на бога, я расскажу тебе все о причинах моей печали: может быть, некоторые благоразумнейшие, слыша об этом, исправятся и предпочтут то, что приносит славу, честь и рост их державы. Слушай же со вниманием о том, что ты хочешь от меня услышать. Я, странник, — одна из благородных и славных дочерей всех царя и владыки, у меня не одно имя, а несколько: меня называют и начальством и властью и владычеством и господством. Мое имя, как бы заключающее смысл всех этих имен, — Василия. Это имя я получила от высшего потому, что владеющие мною должны служить к укреплению и утверждению подвластных им людей, а не к пагубе и постоянному смятению. Так толкуется по-гречески имя Василии. Между тем многие не понимают этого и, недостойно моего царского наименования управляя делами подвластных и являясь мучителями, а не царями («мучители вмѣсто царевъ бывше»), меня опозорили, ввергли в бедствия и болезни, получив от высшего возмездие за свое безумие». Слыша это, я бросился к ее ногам, поклонился ей скромно и благоговейно, прося простить меня, что по неведению с самого начала не воздал ей чести, подобающей царям, и вместе с тем молил ее сказать подробнее о причинах своей печали, чтобы я мог яснее понять все, что касается ее. Она, приветливо обратившись ко мне, сказала: «Так как, странник, я вижу, что ты, проникнутый ревностью по боге и нелицемерной любовью к людям, хочешь знать обо мне, чтобы своими внимательными расспросами принести пользу другим, то слушай дальше и пусть через тебя услышат все, кто по истине благоверен и стремится к бесконечному царствию божью. Меня, странник, дочь, как я сказала, царя и создателя всех, пытаются подчинить себе славолубцы и властолюбцы; очень мало таких, которые по истине радели бы обо мне, украшали бы меня, и достойно моего отца и царского наименования моего